

Россыпь каменистых островов в бескрайнем Онего... Большинство из них малы и безлюдны, а тот, о котором пойдет повествование, — один из самых крупных в Онежском озере. Но дорог он не километрами, а тем, что на берегу узкого пролива, отделяющего его от материка, стоят девять крестьянских изб, и одна из них — моя.

Глаза слезятся от ветра, но я тщательно всматриваюсь в противоположный берег, когда с такого расстояния из игрушечной, несерьезной калитки покажется темная фигурка, выжидательно замрет, наведя бинокль, и, видя мои судорожные махи руками, засеменит к лодке. Это мой дедушка. Теперь можно никуда не торопиться и как следует, с удовольствием, оглядеться вокруг. Я дома: оголившаяся рябина выставила свистящему ветру кулаки своих гроздьев, а тяжелая студеная вода в камышах, там, где поспокойнее, уже затянута прозрачным, звенящим ледком.

Лодка глухо ударяется о камни.

— Привет, деда. Прости, что не с первым рейсом — не было его, сняли.

— Здравствуй, здравствуй. А что без матери?

— Не смогла она в этот раз, не приедет.

— Ну, ладно.

И вот мы уже у своего берега.

Дикий холод, намокшая рыболовная сетка держится на колючих ветках облепихи. На пространстве между двумя деревьями стоит грубо сколоченный табурет зеленого цвета, на нем раздавленные ягоды. Перед моими глазами медленно, как в фильмах Тарковского, колышется мелкая сетка. Внизу на земле лежат в бесчисленном множестве узкие серебристые лодочки-листья, целые сломленные гроздья облепихи, и от стылой земли исходит кисловатый запах упавших ягод. Тихо так, что слышно, как в сетке чуть свистит ветер.

ОСТРОВ В СУХИ САРЬ

Елена КУБЛИ
г. Петрозаводск

Я стою на табурете, упираясь головой в мокрый купол сетки, и собираю ягоды. Ко мне, повизгивая от радости, пробирается собака. Секунда — и она уже внизу, внутри.

Рыженькая, с черными бусинками глаз псинка кружится у моих ног. Я люблюю ею сквозь путанку мокрых веток и оранжевых ягод — несказанно красиво.

Собачонка не выдерживает и, поставив передние лапы на табурет, пытается зацепить мою штанину, ей невтерпех поиграть. Я разговариваю с ней сверху, она сидит, слегка наклонив голову, словно недоумевающая. Спрыгиваю на землю. Какое-то время мы носимся в хороводе, потом я треплю ее по влажной шерсти и снова вскарабкиваюсь наверх. Она не верит, что игра закончилась, терпеливо ждет, поблескивая своими глазами-бусинками. Я стараюсь, не глядя на нее, собирать ягоды. Наконец ей надоело сидеть, и она лихо проскочила под сеткой, явно намереваясь бежать к хозяевам, те через двор громяют чем-то во дворе.

...Вечереет рано. Я иду по привычному с детства маршруту: тарыхтит небольшая соседская электростанция, шуршит под ногами пожухлая трава. «Будить» деревья у кромки леса мне не захотелось, и я повернула к «пограничной» рябине. Слабый ореол фонарика выхватил пластиковую бутылку и фальшиво поблескивающее битое стекло, скользнул по веткам и беспомощно погас. Все это расстраивало... Память детства была такой светлой...

Хлюп, хлюп — студеная вода свинцово поблескивает. Я иду уже не полем, а мимо изб; о трезубец кустарника зацепились огни деревни, что на том берегу, и подрагивают, раскачиваясь.

Раньше на этом месте была церковка семнадцатого века. Я отчетливо вспоминаю ее серый сруб и то, как, бывало, стремглав неслась мимо нее темными вечерами. А всё городские ребята, наслушаешься от них разных «страшилок», что от нежного шелеста травинки сердце замирает.

Нет сил вспоминать, как она потом горела, трещала и ухала, крепилась, сдерживала внутри разрывающий на куски огонь, словно

о спасении молила; и как в высоком столбе огня оторвалась, повиснув на мучительно долгую секунду, обуглившаяся маковка. Сплясали вокруг нее свою неистовую пляску желтые языки пламени, и, покрывая вой и треск, ударились о землю ее головушка...

Включаю фонарик — ну, точно, и здесь непорядок: всегда пустовавшее поле напротив церкви теперь распахано. Кто-то бесцеремонно расширяет свои «уголья», а «стражам нововведения» кинули жестяную консервную банку, что ощерилась на меня своими острыми краями.

Разочарованно свернула на «детский маршрут»; песок глушит шаги, дальше этого отшлифованного волнами камня мы не ходили — мешал соседский забор, который предусмотрительно стоял чуть ли не наполовину в воде.

Краем глаза вижу, как яркий луч света ныряет в лодку и катер — это дядя проверяет моторы, сейчас окликнет, но свет от фонаря заплясал и радостно побежал к дому.

Не могу расстаться с улицей, присела на крыльце. Здесь потеплее. Вплотную подвинула фонарик к стене, чтобы не мешал видеть. Я не боюсь ночи, я знаю здесь каждый куст, каждый камень, и они меня.

Когда глаза немного привыкли, я увидела все те же чернильные пятна кустов, они беспокойно шумели и приседали от ветра, точно исполняли какой-то магический танец. Настороженно хлопала приподнимающаяся жесьть крыши. Как будто подглядывала за мной одинокая, холодная звезда. И вдруг мне, так все это любившей, стало беспричинно страшно. Бежать сразу было постыдно. Я силой удерживала себя на месте, но уже прислонилась спиной к дому, как к защите.

«Только не паниковать, только не паниковать, ты же любишь, когда страшно!» Ткнула фонариком вправо, влево; выхватила приотпанную, иссушенную траву и слегка надавила на дверь в сени.

Дверь распахнулась с такой силой и грохотом, точно за мной ринулись все невидимые гости... Я никак не могу ее закрыть, точно что-то мешает. Наконец нижняя щеколда предательски медленно задвигается. Уф, готово. Наконец за мной закрывается, точно

дразня, дверь в кухню и обволакивает тепло. Спасена.

Осторожно трепеща на комариных крыльях, подступает сон. Вот он наплывает, сладко дурманит голову, еще немного... Дядин храп гонит мой сон, сегодня они с дедом много дел сделали, устали.

Блекленькое утро. Пахнет застоявшимся керосином и потом. Наверное, пора вставать, вон дедушкина кровать уже пустая.

Пока дедушка с дядей укрывают на зиму картофель, я иду попрощаться с островом.

Реденький подлесок, дымчатый и рыжий, обступил мой трон. Сидеть на широком пне очень удобно; коряги, как застывшие змеи, свернулись сухими чешуйчатыми подлокотниками. И я сижу, слушая, как мелкая морось шуршит по стволам и сосны сдержанно вздыхают: «Привычно, привычно... дело к зиме». Да, к зиме.

Я закрываю глаза. Ну что ж, до следующего лета.

Уезжаем. Мужчины высадили меня первой, и я уныло побрела по направлению к машине. Моя голова все время повернута влево —

мой остров отсюда как на ладони: узкая полоска земли угрюмо сползает к воде. Девять крохотных изб стоят еще высоко, а баньки уже по ступени вошли в воду.

Но вдруг тоскливый лилово-серый намокший пейзаж на том берегу затопило янтарным закатом, всю деревню, до единого дома, а поля и лес остались прежними. Окна изб как будто по-стариковски шурились, грелись в медовых нестрашных всполохах, и иссушенная трава, казалось, оживает. Родной мой остров!..

Я стояла не шелохнувшись, а хотелось крикнуть, бежать за своими, чтобы они тоже увидели... А они, два мужичка, уже топали по тропе мне навстречу. Деда хитро посмотрел на меня и сказал:

— Видела?!

— Еще бы! Это я вас кричать хотела, вдруг бы вы пропустили это чудо!!!

— Напишешь?

□

Елена Викторовна КУБЛИ

родилась в Петрозаводске.

Окончила Московский государственный университет печати.

С 1996 по 1997 год училась в Литературном институте

им. А.М. Горького (проза, семинар А. Е. Рекемчука).

Итогом семинарских занятий явился

цикл рассказов, один из которых — «Остров Суйсарь».

В журнале «Север» публикуется впервые.

